

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ИТАЛИИ В СЕРЕДИНЕ 1940-Х – СЕРЕДИНЕ 1960-Х ГГ.

В последние годы история российской диаспоры в Италии привлекает большое внимание исследователей. Важной вехой в изучении данной проблемы российскими историками стал выход в свет пятого выпуска альманаха «Россия и Италия» под редакцией одной из крупнейших отечественных исследовательниц истории Италии в XX в. Н.П.Комоловой, специально посвященного данной проблеме¹⁴⁵. Вошедшие в сборник статьи рассказывают о том, как связано с Италией творчество таких видных деятелей российской культуры, как М.Горький, М.А.Осоргин, П.П.Муратов, Вяч.Иванов, И.Бродский и др. Одним из авторов издания был и проживающий в Неаполе М.Г.Талалай, который в последние годы, пожалуй, наиболее активно занимается изучением данной проблемы. Немалый вклад в осмысление истории российской диаспоры в Италии внесли и итальянские историки Р.Ризалити, А.Литворния, С.Мерчи, Э.Валлетти и др., работавшие, в том числе, и с материалами частных собраний и негосударственных архивов Италии, документы которых еще слабо известны российским исследователям. Мы обращаем внимание на этот факт для того, чтобы подчеркнуть: автор данной статьи не ставит перед собой задачу комплексного анализа проблемы российской диаспоры в Италии, решение которой возможно, на наш взгляд, лишь при условии длительной работы с документами итальянских архивов. В данной статье представлен лишь обзор ситуации, сложившейся в русской колонии в стране после Второй мировой войны. Особое внимание обращается на мало изученный идейно-политический аспект проблемы, участие российских эмигрантов в политической жизни Италии. Исследование основано прежде всего на архивных документах, хранящихся в Международном институте социальной истории (Амстердам) и Российском государственном архиве литературы и искусства (Москва), а также на материалах эмигрантской периодической печати.

Вторая мировая война оказала огромное влияние на ситуацию в российских диаспорах различных стран Европы. Как известно, до войны Италия не относилась к числу крупнейших центров российской эмиграции. На первом плане находились здесь другие европейские страны – Франция, Чехословакия, Югославия, Болгария и др. Тем не менее, и на Апеннинском полуострове проживали известные деятели культуры Российского зарубежья. Особняком здесь стоит, бесспорно, такая фигура, как Вяч.Иванов (1866-1949) – замечательный поэт и философ, один из духовных лидеров Серебряного века русской культуры. Последние четверть века его жизни были связаны с Италией, где он продолжал свое поэтическое творчество. Тот факт, что Вяч. Иванов остался в фашистской Италии, неоднозначно воспринимался его старыми соратниками по Серебряному веку. Дискуссии в Российском зарубежье вызывали и его духовные искания. Характерно высказывание о Вяч.Иванове Н.А.Бердяева: «Он был всем: консерватором и анархистом, националистом и коммунистом, он стал фашистом в Италии, был православным и католиком, оккультистом и защитником религиозной ортодоксии, мистиком и позитивным ученым»¹⁴⁶. Коренной перелом во Второй мировой войне застал Вяч.Иванова в Риме. Здесь он пишет свой «Римский дневник», читая который, чувствуешь всю противоречивость восприятия им событий 1944 г. на Апеннингах:

«...За грядой олив грохочет
Дальнобойная пальба
Вся земля воскреснуть хочет
Силе жизни гробы прочит
Мертвой силы похвальба»¹⁴⁷.

Последний год Второй мировой войны – это и период пребывания в Италии воевавших на стороне нацистской Германии казачьих подразделений. Эта тема уже активно изучается

¹⁴⁵ См.: Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке / Отв.ред. Н.П.Комолова. М., 2003.

¹⁴⁶ Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991. С. 155.

¹⁴⁷ Иванов Вяч. Из «Римского дневника 1944 г.» // Новый журнал. Нью-Йорк, 1962. № 69. С. 6.

итальянскими и российскими исследователями¹⁴⁸. Как указывает известный британский историк Н.Бетелл, к весне 1945 г. в итальянских Альпах, в районе Толмеццо находилось около 35 тыс. казаков¹⁴⁹. Среди источников по данной проблеме хотелось бы обратить внимание историков на мемуары внучатого племянника генерала П.Н.Краснова Н.Н.Краснова-младшего, которые пока еще слабо использовались исследователями данной проблемы. Н.Н.Краснов находился весной 1945 г. в составе базировавшегося в Италии Казачьего Стана генерала Т.И. Доманова. Н.Н.Краснов – младший отмечал, что подразделения Стана достаточно быстро «утеряли свой подтянутый вид строевых частей...Разлад в дисциплину особенно вносили внезапно появившиеся и присоединенные к «домановским» частям кавказские элементы». Все это приводило к тому, что продвижение казаков из Италии в Австрию весной 1945 г. сопровождалось грабежами и актами нарушений общественного порядка¹⁵⁰. Казачья эпопея в итоге закончилась трагически: в австрийском Лиенце казаки были выданы как коллаборационисты Советскому Союзу, о чем много писалось в отечественной историографии и публицистике, особенно в 1990-е гг.

Окончание Второй мировой войны существенно изменило ситуацию в российской диаспоре в Италии. К весне 1945 г. в стране находилось довольно большое число «перемещенных лиц», ставших основой для формирования второй волны эмиграции из СССР. Однако пребывание их в Италии было относительно недолгим. Как указывалось в российской эмигрантской прессе, для новых эмигрантов Италия «была лишь временным местом жительства. Почти никто из новых не остался в стране вследствие трудности найти работу». К началу 1950-х гг. в Италии оставалось лишь несколько сотен послевоенных эмигрантов, большинство из которых ждали возможности, чтобы уехать из страны¹⁵¹. Помощью беженцам занимался ряд эмигрантских организаций, среди которых необходимо выделить Русский центр и Комитет помощи русским беженцам в Италии, распределявшие среди новых эмигрантов материальную помощь, одежду, оказывавшие им правовую поддержку и содействие при переезде в другие страны. Эти структуры были тесно связаны между собой (обе они возглавлялись священником Георгием Коваленко), их деятельность финансировалась Папской комиссией помощи, Восточной Конгрегацией и католическими организациями США.

Заметим, что после Второй мировой войны среди деятелей российской диаспоры в стране достаточно влиятельными были те эмигранты, которые открыто объявляли себя католиками (прежде всего, т.н. «восточного обряда»). Их пропаганда была весьма умелой, учитывавшей и стремление части эмигрантов сохранить традиционную православную веру. Чтобы привлечь таких людей на свою сторону, католики «восточного обряда» стремились доказать тезис о том, что признание Вселенского авторитета Верховного архиерея Папы Римского «нисколько не препятствует верности истинному православию»¹⁵². Одновременно настойчиво проводилась мысль о том, что обращение к католицизму отнюдь не означало полную ассимиляцию русского эмигранта. Более того: подчеркивалось, что именно «всякие подгонки и приспособления к западной цивилизации и психологии с ее темпами, вкусами, модами» обычно отталкивали потенциальных католиков от церкви Ватикана¹⁵³. Важным событием в жизни русских католиков было организованное ими в 1950 г. паломничество в Рим, в котором приняли участие католики ряда стран Европы. В Риме находилась и такая известная структура, как папская семинария «Руссикум», которую долгое время возглавлял Филипп де Режи, тесно сотрудничавший с российской политической эмиграцией.

Особенно активно различные христианские конфессии действовали как раз в среде новой, «второй» волны эмиграции, которая долгое время находилась в лагерях «ди-пи». Аморфность религиозных установок выходцев из СССР, в массе своей слабо разбиравшихся в различиях между направлениями в христианстве делала их удобным объектом для церковной пропаганды. Интересным свидетельством такого рода является, в частности, письмо проживавшей в Германии русской женщины в один из католических журналов, где отмечалось: «По опыту ла-

¹⁴⁸ См.: Литворния А. Казачьи станицы во Фриули // Россия и Италия. Вып. 5. С. 46-52; Талалай М.Г. «Казачья земля в Италии» // Наука, культура и политика русской эмиграции. СПб., 2004. С. 53-57.

¹⁴⁹ См.: Бетелл Н. Последняя тайна. Лондон, 1974. С. 15.

¹⁵⁰ Краснов Н.Н. (мл.). Незабываемое. 1945-1956. Нью-Йорк, 1957. С. 18.

¹⁵¹ См.: Русский католический вестник. Брюссель-Лувен, 1951. № 1. С. 35.

¹⁵² Россия и Вселенская Церковь. Брюссель-Лувен, 1953. № 6. С. 6.

¹⁵³ См.: Русский католический вестник. 1951. № 1. С. 25.

герной жизни я знаю, что многие мои соотечественники – люди простые и в богословских тонкостях неискушенные, никакого различия между нашей церковью и католической не делали и, за отсутствием своей, ходили в униатскую – я это видела собственными глазами»¹⁵⁴. Указывалось и на то, что симпатии к католической церкви проявляли многие российские беженцы в Италии, пропаганду в среде которых вели католические миссионеры. Анализируя статьи видных русских католиков (в частности, И.М.Посновой), можно придти к выводу, что они придавали большое значение апостольской работе в среде «ди-пи». Источники свидетельствуют о том, что эта пропаганда в сочетании с оказанием разнообразной помощи беженцам приносила результаты, и группы русских католиков к началу 1950-х гг. существовали не только в Италии, но и в Нидерландах, ФРГ, Аргентине, Австрии, Франции и некоторых других странах. Вместе с тем, не стоит и преувеличивать воздействие католической пропаганды на российских эмигрантов. Неслучайно, даже «Русский католический вестник» писал: «Многие русские католики чувствуют себя одиночками, как бы заброшенными»¹⁵⁵. Тем не менее, все это делает католические журналы Российского зарубежья (прежде всего «Русский католический вестник» и «Россия и Вселенская церковь») ценными, но пока практически не введенными в научный оборот источниками по истории российской эмиграции.

Весьма немногочисленна была к началу 1950-х гг. и колония «старых» эмигрантов в стране. По данным «Русского католического вестника», она насчитывала около 300 человек. Следует обратить внимание на существенные различия в положении российских эмигрантов, проживавших в центрах диаспоры (какими после войны были Париж, Нью-Йорк, Сан-Франциско и др.) и в городах, где почти не имелось россиян. Последним, безусловно, психологически было значительно труднее, т.к. они были практически лишены возможности ежедневно общаться на родном языке, входить в структуры Российского зарубежья и т.д. О сложностях, которые испытывали такие эмигранты, свидетельствует их личная переписка. Так, проживавший в Венеции старый меньшевик Е.А.Ананьин (бывший секретарь одного из первых русских марксистов П.Б.Аксельрода) писал в 1955 г. вдове известного меньшевика Ф.И.Дана Лидии Дан: «Я оторван действительно... не только от «мира», но даже в Италии (не забывайте, что Венеция – это провинциальная дыра)...Русских я никаких не знаю»¹⁵⁶.

Большинство эмигрантов первой послереволюционной волны к началу 1950-х гг. подошли к критическому возрасту. Неслучайно довольно большая группа россиян жила в 1950-е гг. на вилле Оланда в Вал-Пеличе (север Пьемонта), где был организован приют под покровительством Вальденской церкви¹⁵⁷. Многие уже находились в преклонном возрасте, их одолевали болезни, о чем свидетельствовала их личная переписка. Однако, некоторые старые российские эмигранты все-таки пытались сохранять бодрость духа, активно участвовали в общественной жизни страны. Так, известная деятельница итальянского социалистического движения А.И. Балабанова писала Л.О.Дан в 1958 г.: «Старой себя как-то не чувствую...Работоспособность не уменьшается»¹⁵⁸.

Фигура А.И.Балабановой (1878-1965), несомненно, заслуживает того, чтобы ей уделить особое внимание. Она относилась к числу тех выходцев из России, которые в раннем возрасте или в юности покинули Россию и даже западной общественностью обычно не воспринимались как эмигранты. Анжелика Балабанова родилась в Чернигове, но рано оказалась на Апеннингах. Вступив в Итальянскую социалистическую партию в 1902 г., она еще в годы Первой мировой войны играла видную роль в социалистическом движении страны, была членом редакционного комитета «Аванти!», с 1915 г. являлась секретарем Международного социалистического комитета Циммервальдского движения. После окончания Первой мировой войны, в 1919 г., А.Балабанова занимала пост секретаря Коминтерна, а с 1925 г. являлась секретарем Международного бюро революционно-социалистических партий¹⁵⁹. В 1950-е гг. она была видным деятелем Итальянской социал-демократической партии.

¹⁵⁴ Россия и Вселенская церковь. 1953. № 6. С. 35.

¹⁵⁵ Русский католический вестник. 1951. № 1. С. 22.

¹⁵⁶ International Institute of Social History (IISH). Collection of L.O.Dan. Folder 7.

¹⁵⁷ См.: Мерчи С., Валлетти Э. Вилла Оланда: островок русских белоэмигрантов в Вал-Пеличе // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX в. С. 52-61.

¹⁵⁸ IISH. Collection of L.O.Dan. Folder 8.

¹⁵⁹ См.: IISH. Collection of B.K.Souvarine. Folder 2.

В одной из архивных коллекций Международного института социальной истории сохранился интересный источник по истории послевоенной итальянской социал-демократии - переписка А.Балабанова и Лидии Дан. Две старые подруги, деятельницы международной социал-демократии вели между собой переписку в течение многих лет. Одной из тем, в частности, была избирательная кампания в Италии в 1953 г., в которой активно участвовала А.Балабанова. Об этом она писала своей подруге: «С начала избирательной кампании говорила 3 раза, до конца еще раз 10. Митинги проходят «crescendo», овации, энтузиазм, иногда приходится говорить три раза в день». Вместе с тем, она осознавала, что успехами на митингах обольщаться не стоит: «Было бы наивно надеяться, что численный результат выборов будет отражать это настроение, все гораздо сложнее»¹⁶⁰.

Действительно, неудачи социал-демократии в 1950-е гг. в итоге привели к серьезным перестановкам на левом фланге итальянской политической жизни. Усиление христианских демократов, борьба внутри левых сил вызывали серьезное беспокойство А.Балабановой. Будучи ветераном социалистического движения, она тяжело переживала эти процессы. Как указывалось в одном из ее писем, в Италии «положение получилось катастрофическое, не столько из-за поражения на выборах, сколько из-за последовавшего поворота в социал-демократической партии и во всей стране... Между нами говоря, я из-за этого заболела»¹⁶¹.

А.Балабанова полагала, что основной причиной кризисных явлений в итальянской социал-демократии в 1950-е гг. являлся традиционализм мышления ее лидеров, которые были неспособны реагировать на изменения в обществе и в настроениях рабочих – классической опоры партии. Подобная негибкость мышления, указывала А.Балабанова, не должна быть свойственна социалистам, всегда выступавшим против консерватизма в различных сферах жизни общества, откликнувшись на новые явления. Отмечая, что сама борется против «всякого рода традиций», она писала Л.О.Дан: «Мы, социалисты, пятимся назад, а рабочий класс, быть может, хотя и окольным путем, идет вперед, догоним ли мы его, перегонит ли он нас? Я все больше по поводу мирозерцания». Уже в конце 1950-х гг. она отмечала отсутствие в Италии как влиятельной политической силы партии демократического социализма – альтернативы коммунистам¹⁶².

Крайне критично А.Балабанова оценивала и ситуацию в Социалистическом Интернационале в целом к началу 1960-х гг. Кризисные тенденции в его деятельности были связаны, полагала она, с увлечением организационной работой в ущерб идейному содержанию. В среде лидеров Социнтерна она не видела таких крупных теоретиков, каким был во времена ее молодости, например, К.Каутский. Фактически международное объединение социалистов превратилось в бюрократическую структуру со своим чиновничьим аппаратом. В письме к Л.О.Дан в 1961 г. А.Балабанова с грустью писала: «Теперь, откровенно говорю я, настоящего Интернационала не существует. Есть несколько преданных чиновников, честно исполняющих свои функции, регистрацию и другие бюрократические обязанности и больше ничего... Ни звука о теории, о принципах»¹⁶³. Оценки А.Балабановой процессов, которые протекали в международном социалистическом движении после Второй мировой войны совпадали с восприятием ситуации и некоторыми другими старыми социалистами.

В работах старого меньшевика Ю.П.Денике и А.Балабановой поднималась и проблема формирования сильной некоммунистической левой партии, которая должна была стать альтернативой как силам, ориентированным на СССР, так и либерально-консервативным группировкам. Однако, в кругах левой эмиграции высказывалось и мнение о недопустимости полной изоляции коммунистов, которые также являлись левым течением. Альтернативным выходом из создавшейся ситуации кризиса левых сил выступала координация усилий социал-демократов и тех коммунистов, которые принимали базовые ценности демократии. Ю.П.Денике, например, в начале 1960-х гг. одобрительно отзывался о деятельности т.н. «молодых львов» в Итальянской компартии и их лидера Дж. Амендолы, которые выступали за более глубокую десталинизацию

¹⁶⁰ IISH. Collection of L.O.Dan. Folder 8.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² См.: Балабанова А. Итальянские выборы // Социалистический вестник. Нью-Йорк, 1958. № 7-8. С. 139.

¹⁶³ IISH. Collection of L.O.Dan. Folder 8.

коммунистического движения, свободу дискуссий внутри него. Отмечалось и наличие некоторого реформаторского потенциала у П.Тольятти¹⁶⁴.

Заметим, что функционирование Социалистического Интернационала приводило к тому, что российская эмигрантская социал-демократия и ее организационный центр – Заграничная делегация РСДРП были интегрированы в международное социалистическое и рабочее движение. Лидеры эмигрантского меньшевизма пользовались авторитетом в среде зарубежных социалистов. Характерно, что 80-летие проживавшего в США Р. А. Абрамовича в 1961 г. не осталось без внимания левых сил Европы и США: вождь послевоенного меньшевизма получил поздравления от руководства Социалистического Интернационала, лидеров левых партий ряда стран, в частности, видного деятеля Итальянской социал-демократической партии ДжискарСарагата.

Вместе с тем, отнюдь не все проживавшие в Италии русские относились к политической эмиграции. Видное место в диаспоре занимали деятели российской культуры, многие из которых стремились поддерживать контакты с учреждениями и гражданами Советского Союза. Однако в 1930-1940-е гг. вследствие ужесточения политического режима в СССР контакты советских граждан с эмигрантами были сведены к минимуму. И лишь после смерти И.В.Сталина в 1953 г. возможности для общения между россиянами, разделенными «железным занавесом», несколько расширились. Среди тех российских эмигрантов, которые имели достаточно тесные связи с друзьями и коллегами в СССР, выделялся проживавший в Италии сын Ф.И. Шаляпина Ф.Ф.Шаляпин. Однако изучение источников показывает, что и он в 1930-1940-е гг. вынужден был резко сократить общение с ними. Так, хранящееся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) архивное дело, содержащее переписку Ф.Ф.Шаляпина и советского театрального режиссера М.М.Коренева, имеет в своем составе большое количество писем за 1920-е гг., однако после 1930 г. наступает длительный перерыв, и следующее письмо датировано 1959 г.¹⁶⁵ Очевидно, часть писем могла не сохраниться, однако, по нашему мнению, общая тенденция прослеживается достаточно четко. Характерно и то, что в письме за 1960 г. Ф.Ф.Шаляпин просил М.М.Коренева уточнить старые адреса знакомых в СССР, с которыми он не имел контактов в течение длительного времени¹⁶⁶.

В 1959 г. Ф.Ф.Шаляпин посетил СССР и был очень тронут оказанным ему приемом: «Родина - приехал домой. Можно менять свое подданство 100 раз, но все равно это остается делом бумажным, и из русского трудно сделать иностранца, хотя и казался всем заморским гостем»¹⁶⁷, - писал он. В начале 1960-х гг. Ф.Ф.Шаляпину удалось восстановить утраченные связи с целым рядом старых знакомых в Советском Союзе., он перевез в Италию из Москвы свою мать, в 1960 г. в гости к нему приезжал С.В.Михалков.

О том, что многие препятствия для контактов зарубежья с советскими гражданами были к началу 1960-х гг. сняты, свидетельствует письмо Ф.Ф.Шаляпина О.Б.Гальпериной и Е.Б. Анненковой, написанное в 1960 г., в котором указывалось: «Я собираюсь и в Москву и Вас буду ждать в Италию. Все возможно, все можно устроить. Теперь все проще, а будет совсем легко»¹⁶⁸. Более частым поездкам в СССР Ф.Ф.Шаляпина, как и многих других эмигрантов, препятствовали, однако, финансовые проблемы. Значительная часть граждан СССР воспринимала представителей российской диаспоры как весьма состоятельных людей, но зачастую такие оценки были преувеличенными. Как отмечал Ф.Ф.Шаляпин: «Не так уж дешево ехать и жить в Москве на положении туриста. Если приеду, то постараюсь так устроиться, чтобы жить в деревне, а не в гостинице «Националь»¹⁶⁹.

Заметим, что в источниках иногда встречаются и указания на некоторую дискриминацию российских деятелей культуры в Европе по национальному признаку. Так, в одном из писем за 1964 г. Ф.Ф.Шаляпин жаловался на то, что в Италии новый министр «затеял гонения на иностранных актеров и нашего брата стали избегать»¹⁷⁰. Вместе с тем, на наш взгляд, далеко не

¹⁶⁴ См.: Денике Ю. После съезда КПСС // Социалистический вестник. 1961. № 12. С. 207.

¹⁶⁵ См.: Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Ф. 1476, Оп. 1, Д. 479, Л. 64.

¹⁶⁶ См.: Там же, Л. 68.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ РГАЛИ, Ф. 2618, Оп. 2, Д. 50, Л. 1.

¹⁶⁹ Там же, Л. 11.

¹⁷⁰ Там же, Л. 31.

всегда такие замечания, сделанные в личной переписке, отражают реальную ситуацию, сложившуюся в культурном сообществе той или иной страны. Нередко они свидетельствуют лишь об остроте конкуренции в различных сферах искусства, борьбе за зрителя и читателя. Далеко не всем деятелям культуры Российского Зарубежья, в том числе и в Италии, удавалось иметь стабильно высокую популярность в течение длительного времени, что зачастую и приводило к обидам такого рода.

В среде российской диаспоры в 1940-1960-е гг. выделялась группа лиц, которые интенсивно сотрудничали с посольствами СССР в различных странах мира. Так, дом проживавшего в Италии художника Г.И.Шилтяна называли «русским островком в «вечном городе», поскольку здесь часто происходили встречи с советскими деятелями культуры. Г.И.Шилтян был знаком с М.А.Шолоховым, Г.С.Улановой, С.Ф.Бондарчуком и др. В течение многих лет его связывала дружба с М.С.Шагинян¹⁷¹.

Таким образом, российская диаспора в Италии была весьма неоднородна. Наряду с политэмигрантами, весьма критически относившимися к Советскому Союзу, в ее составе были и деятели русской культуры, сотрудничавшие с советскими организациями, налаживавшие контакты с гражданами СССР из числа советской творческой интеллигенции.

С.Д. Девятков

РАЗВИТИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРИДНЕСТРОВСКОГО КОНФЛИКТА)

В начале 2000-х гг. европейские государства активизировали работу по превращению Европейского Союза, имевшего до тех пор преимущественно экономический *raison d'être*, в самостоятельного игрока мировой политики. Среди европейских элит возник консенсус по поводу того, что ЕС должен приобрести определенную внешнеполитическую и оборонную идентичность.

Во многом это переосмысление роли Брюсселя явилось реакцией на неспособность европейских стран противостоять вызовам в мире «после холодной войны», что стало очевидно на примере балканского кризиса, происходившего непосредственно на европейском континенте. Именно поэтому в основу политики ЕС в области безопасности были положены вопросы реагирования, предотвращения и разрешения кризисов, для чего, как предполагается, страны ЕС объединят свои ресурсы¹⁷². Первые миссии (гражданские, полицейские и военные) были запущены в 2003 г. в Боснии, Македонии и ДРК.

Вторым процессом, повлиявшим на определение Брюсселем своих внешнеполитических приоритетов, стал процесс «восточного» расширения, сделавшего западную часть постсоветского пространства его пограничной зоной. В этой зоне – по европейским «стандартам» безопасности и развития – отмечается существенный уровень нестабильности – социально-экономической и политической, в том числе с угрозой применения вооруженного насилия (Южный Кавказ).

Оба процесса – углубление и расширение панъевропейской интеграции – привели к повышению внимания ЕС к проблемам постсоветского пространства, особенно присутствующим здесь т.н. «замороженным конфликтам», где градус напряженности доходит иногда до степени международного кризиса. В данном случае не составляет исключения и приднестровский конфликт, хотя по своей природе он не носит характер этнополитического.

На примере вмешательства ЕС в урегулирование конфликта в Республике Молдова мы рассмотрим становление единой внешней политики Евросоюза в отношении к постсоветскому пространству и попытаемся дать оценку её успешности.

¹⁷¹ См.: Паклин Н.А. Русские в Италии. М., 1990. С. 265.

¹⁷² Haine J.-Y. ESDP: an overview [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://www.iss-eu.org>.